

18+

Владимир Никулин

**Крылья
стрекозы.
Повесть**

Владимир Никулин

Крылья стрекозы. Повесть

«Издательские решения»

Никулин В.

Крылья стрекозы. Повесть / В. Никулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514002-9

Сюжет данной книги повествует о взрослении героев, формировании характеров, влиянии их на поступки, которые в результате приводят одного к подвигу, а другого к трагедии. Книга рассчитана на широкий круг читателей, но автор считает, что в первую очередь её должны прочесть молодые люди, для того чтобы не повторять чужих ошибок.

ISBN 978-5-00-514002-9

© Никулин В.
© Издательские решения

Содержание

I глава	6
II глава	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Крылья стрекозы. Повесть

Владимир Никулин

© Владимир Никулин, 2020

ISBN 978-5-0051-4002-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І глава

Стрижи, разрезая серповидными крыльями душный и влажный июньский воздух, со свистом выписывали невероятные пируэты, летая возле школы. Казалось, что птицы беззаботно играют в догонялки и так увлечены этим занятием, что других проблем для них не существует. Но, приглядевшись повнимательнее, можно было заметить, как некоторые время от времени отделялись от всеобщего хоровода и, зацепившись за шероховатости под шиферной крышей, совали свои головы в отверстия. И наблюдательному человеку было понятно, что стрижи, наловив в полёте насекомых, кормили птенцов.

Неразлучная тройца друзей стояла и курила за углом здания. Сегодня они простятся со школой, в которой проучились десять лет своей небольшой пока жизни. И пойдут дальше каждый своим путём. Для одних он будет прямым и понятным, а у кого-то запутанным, петляющим в бесконечных лабиринтах проблем, встречающихся на жизненном пути. В белых рубашках, брюках, отутюженных заботливыми родителями, и галстуках переговариваясь, наблюдали за стаей. Рубашки были подчёркнуто повязаны галстуками. Конечно же, в такой ответственный и торжественный момент они обязаны быть в галстуках: они же взрослые, солидные люди.

Но Николай был без галстука, жара, да и вообще он не любил эту часть мужского гардероба, и сейчас наблюдая за своими товарищами, видел, какое неудобство доставляют им эти удавки.

Игорь Пинчук давно уже теребит узел злосчастного галстука, пытаюсь ослабить давление на шею. Засунув указательный палец под подбородок и, ухватив узел в кулак, он потянул его вниз, подвигав влево-вправо. Спустив узел он выдохнул, и выпустил клуб сигаретного дыма. Расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке, он достал из кармана брюк носовой платок и, вытерев шею сказал:

– Ну и жарница! У меня уже вся рубашка мокрая.

Николай подмигнул ему и сказал:

– А вон Артур – ничего, даже в пиджаке – и ничего...

– Может, у него там система охлаждения, я же не знаю, – ответил Игорь.

– А ты проверь, – выпустив дым колечками, засмеялся Николай и ткнул Артура рукой в бок. – Пощупай... Игорь, у него и вправду там радиатор охлаждения стоит.

Артур, засмеявшись, стал уворачиваться от рук товарищей, и они начали дурачиться.

Из-за жары торжественную линейку, называемую ещё Последним звонком, перенесли на спортивную площадку, которая очень удобно расположилась как раз напротив здания. По расчётам организаторов и по предложению учителя биологии, предполагалось, что к моменту построения на спортплощадку упадёт тень от здания школы. Ребята, занимавшиеся проведением школьных дискотек, проверяли установленную аппаратуру. И оттуда доносились то музыкальные звуки, то голоса ведущих, проверявших тембр и прочие акустические хитрости, а то вовсе слышался гул и треск.

– Вы долго будете здесь прохлаждаться? – спросила неожиданно появившаяся Светка Привалова.

– Ничё себе – прохлаждаться, – повернувшись к ней, выпучил глаза Пинчук. – Ты чё, Свет с парты брякнулась. Тут такое пекло, а ты говоришь: прохлаждаемся!

– Тем более! Пора зайти в помещение, а то голову напечёт, и не доживёте до торжественного момента. К тому же там ваша помощь нужна.

– Чего там опять стряслось? Вот уйдём мы, и чё они без нас делать будут, а? – недовольно запыхтел пухлый Пинчук. – Ты, Свет, не знаешь, чего там? – спросил её Николай, когда они нехотя двинулись ко входу. – Создаётся впечатление, что, кроме нас троих, больше и нет никого! – недовольно продолжал бухтеть, шаркая ногами, Игорь Пинчук.

– Там, ребята, требуется ваша сила, рост и самоотверженность! – высокопарно ответила Светка.

– О, как это знакомо! – проговорил Артур, – Наверно, нужно что-нибудь перетащить, либо повесить, к примеру, шторы. Я угадал, Светик?

– Какой ты проникательный, – засмеялась Светка. – Наверно, после школы пойдёшь на экстрасенса учиться?

– На них учиться бесполезно, либо у тебя есть этот дар, либо нет! – ответил ей Артур, заходя первым в двери.

10-й А класс был единственным в их школе выпускным в этом году. Всех выпускников построили в две шеренги, девушки в первой, а юноши во второй. Николай стоял за своей подругой детства и юности Лорой Хитушко. Он с любовью смотрел на её русые волосы, собранные на затылке резинкой и длинным, до поясницы хвостом. Улавливал чуть заметный сладкий запах её любимых духов.

Лариса Хитушко была самой красивой девушкой в их школе, но что удивительно, это её совсем не портит. Училась она на одни пятёрки, и все окружающие ей предсказывали блестящее будущее. В отличие от Ларисы, Николай учился неважно, хотя учёба ему давалась легко, собственно говоря, ему просто было не интересно в школе. Когда он хотел, то с лёгкостью получал четвёрки и пятёрки, а когда нападала на него грусть, то в дневнике появлялись двойки и колы. А вызванной для объяснения матери классная говорила: «Коля – способный мальчик, но что-то у него нет интереса к учёбе. Вы, Валентина Ивановна, поговорите с ним, только не ругайте, он добрый человек и очень эмоциональный. Как-то надо подвигнуть его на путь знаний».

Так и пролетели эти десять лет. Не был он ни отличником, ни двоечником, а вот троечником был твёрдым. Хотя все экзамены, сдавал либо на четвёрку, либо на пятёрку. И выходил с экзамена самым первым, и потом посмеивался над стоявшими возле дверей класса, где проходил экзамен, трясущимися, и штудирующими билеты одноклассниками. Махнув им на прощание рукой, он шел домой.

С Лорой Коля дружил с детства, так как жили они в одном доме, и на одной лестничной площадке, на первом этаже. Двери их квартир были рядом, стена, отделяющая однокомнатную Колину с мамой и двухкомнатную семьи Хитушко, была столь тонка, что Коля и Лора придумали специальные сигналы. Например, стуки в стену были разных типов. Для начала требовалось привлечь внимание, для этого стучали по трубе, которая шла от батареи. Затем начинались перестукивания.

Если кто-то проводил твёрдым предметом по рёбрам батареи, это был сигнал: пора в школу. Барабанная дробь по стене обозначала, что нужно срочно встретиться, а шлепки ладонями говорили о пожелании спокойной ночи. Сочетания различных по громкости и степени ударов имели такое запутанное значение, что когда кто-то не понимал, то бежал узнавать, благо двери были рядом.

Торжественную часть открыл государственный гимн, затем ведущий попросил всех минуточку внимания и объявил о самом торжественном моменте, а именно... Вот это именно и было тем случаем, когда их позвала Светка Привалова. Когда они зашли в школу, она показала на дверь директорского кабинета и сказала:

– Идите, вас там ждут.

Зайдя в кабинет, парни встали, настороженно глядя на директора. «Опять будет трюндеть по поводу курения возле школы», – подумал Николай.

– Ребята, – обратился к ним Валерий Ионович, – давайте выбирайте, кто из вас на линейке понесёт первоклашку со звончком? Вы у нас самые рослые, вон Коля вымахал метр восемьдесят!

– Не, я Валерий Ионович не смогу, – сказал Николай, – я руку правую вывихнул вчера на тренировке.

– Тогда остаётся единственный! – хитро посмотрев на оставшихся Артура и Игоря, – сказал директор.

– Кто?! – неожиданно хором ответили те. – А это вы сами решите, подвёл черту Валерий Ионович.

– Я чё грузчик вам, а?! – вдруг взъерепенился Пинчук. – Уменя отдышка, вон и пот течёт! Смотрите, рубашка вся мокрая! Как я её поташу, ну, Валерий Ионыч! – яростно отбивался он. – Девчонка будет сидеть, колокольчиком махать, ногами дрыгать, потом соскользнёт и шибанётся на асфальт, а мне потом расхлёбывай! Не, не поташу я никого! – категорично заявил Игорь Пинчук.

– Ну вот, как обычно, всё тебе Артур, достаётся в вашей компании, – обратился к нему директор. Артур Хохряков был немногословным юношей. Спорить не любил, ругаться тоже. Он и в секции самбо, куда они все ходили, всегда всё делал молча.

– Ладно, – коротко, как будто сделал выпад, ответил Артур директору, и они вышли из кабинета.

Зазвучала музыка, и солистка запела всем знакомую песню: «Когда уйдём со школьного двора под звуки нестареющего вальса...», – и появился Артур нёсший на правом плече первоклашку. Он правой рукой крепко держал девчонку за ноги, а та с довольной улыбкой махала рукой, в которой был зажат колокольчик.

Николай унёсся мыслями в прошлое. Вот так же десять лет назад он в белой рубашонке, держа в одной руке букет цветов, а в другой – руку Лоры, стоял где-то здесь и с замиранием сердца глядел на происходившее действие. Только это был сентябрь. Всё вокруг было необычным, новым. Вокруг ходили большие люди, в очках, с портфелями. А он был маленьким среди этой массы и огромной спортплощадки.

Душу бередили необычные запахи, хотя больше ароматов добавляли букеты. Но были среди этой пелены ароматов порхающие свежие хлопчатобумажные крахмальные бабочки, которые, пролетая, освежали горевшее от возбуждения лицо. Залетали в нос и тяжёлые, липкие запахи от сладких женских духов, которые оседая в горле, приторно першили.

Широко открытыми глазами Коля глядел на людей, что выступали, слушал непонятные речи и, боясь повернуться, косил глазом, чтобы увидеть лицо Лорки. Она тоже стояла в торжественном оцепенении, боясь шелохнуться. Пухлые губы, брови в разлёт, прямой с горбинкой нос и длинный русый хвост. Николай старался вспомнить, были ли когда-либо у неё косички. Удивительно, сколько он её помнил, она всегда волосы собирала на затылке в пучок, никогда их не красила и не завивала. Она берегла их. Действительно, они были у неё очень хороши, и она это понимала, и ей хватило ума не испортить их ещё ни разу.

Николай поднял левую руку и, взяв русый хвост, пропустил его через свою мозолистую, порезанную со сломанным ногтем на безымянном пальце ладонь. Шелковые пряди, как поток ясной воды, схлынули и начали шевелиться, приликая к нему от статического электричества. Они, словно живые, тянулись к нему, перебирая тонкими золотистыми ножками.

Николай даже не заметил, как закончилась линейка и все, зашумев, начали двигаться.

– Ну ты чё вперился в свою Лорку, – ткнул его в плечо Пинчук, – уснул что ли? Давай пошли.

– Куда? – не понял Николай.

– На кудыкину гору!! – ответил Игорь и подошел к кучке ребят, стоявших неподалёку.

– Лора! – крикнул Николай удалявшейся Ларисе, которая шла к группе одноклассниц, которые окружили классную Любовь Егоровну. – Ты домой идёшь?!

– Пока нет, Коля, – обернувшись, ответила она. – Мы решили ещё немного с Любовью Егоровной пообщаться, наверное, в класс пойдём.

– Ну вы совсем сбрендили, за десять лет не наобщались, что ли? Ладно, как хочешь, – сказал Николай и, повернувшись, пошел в сторону своих друзей.

Подойдя к ним, он стал внимательно слушать, о чём они разговаривают.

– Витька предлагает взять вина и пойти в парк, выпить по такому тожественному случаю, – обратился к Николаю Игорь Пинчук.

– А кто в магазин пойдёт? – спросил Николай.

– Кто, кто, дед Пихто! – язвительно ответил Витька Лоренц. – Кто ещё, кроме нас с тобой, пойдёт? Я прям не знаю, ты, Колян будто первый день замужем. Хватит стоять, здесь пацаны, давайте уже выдвигаться, а то стоим здесь на глазах у всех, – нервно вставил пятый член компании Лёха Пенников. – А чего это ты боишься? – спросил его Николай. – Мы теперь люди свободные. Всё, Лёшка! Ты ещё не осознал, что ты уже вольная птица. Ты можешь теперь курить где хочешь, когда хочешь. Можешь материться. Да и вообще, можешь хоть сейчас идти и жениться! – Все дружно засмеялись от удачной рифмованной фразы.

– Ну ты сказанул, Коля! – даваясь от смеха пробулькал Пинчук. – Это тебе надо жениться, ты вон уже со своей Лоркой – готовая пара!

– Не, я сначала в армию схожу, а потом на ней женюсь, – ответил уверенно Николай.

– Давай, давай, шуруй в армию, а она тебе за это время замену найдёт! – подцепил язвительно его Лёха Пенников.

– Слушай, заткнись, а то сейчас... – и Николай рванул в сторону Лёхи, но твёрдая рука Артура удержала его на полпути.

– Прекрати, Коля, – просто и спокойно сказал он.

– Ты, Лёха, идиот, моя Лора – самая лучшая и преданная подруга! – возбуждённо продолжил Николай.

– Ну, ну! Подруга! А девушка – это совсем другое, понял?! Ты ослеплён своей любовью, а она в тебе видит всего лишь друга! – ответил Пенников.

– Ну, ладно, хватит уже препираться, давайте скидываемся и пошли уже, мне надоел этот пустой базар, – сказал Игорь Пинчук.

Николай достал из кармана пачку «Примы», вытащил помятую сигарету. Чуть вздрагивающими пальцами чиркнул спичкой и прикурил. Прищурив глаз от попавшего в него дыма, он, наклонив голову, внимательно и долго поглядел на Лёху. Пинчук разглаживал в потной ладони рубли и, считая, слюнявил палец. – Всё, пошли! Хватит стоять! – отрубил Артур. Пинчук, сложив аккуратно собранные деньги, передал их Витьке, и компания двинулась в сторону магазина...

Через неделю после экзаменов и линейки был организован выпускной вечер. Николай накануне зайдя днём к Ларисе спросил:

– Во сколько пойдём?

– Ты, Коля, иди, а я сама пойду, – складывая поглаженное бельё в шкаф не обращая на него внимания, сказала она ему.

– Как это сам? – опешил Николай.

– Мы, Коля, с Таней и Олей договорились встретиться у Веры и уже от неё пойдём все вместе на вечер.

– А, поятно... А я хотел с тобой вместе пойти, – задумчиво и огорчённо сказал Николай.

– Ну что ты, Коля, как хвост, в самом деле, уже все смеются. Танька Пластун вон достала меня, издевается, говорит: «Вот выйдешь замуж за Кольку, он и будет везде за тобой таскаться. Ты в магазин – он с тобой, ты в парикмахерскую – он рядом, пойдёшь в баню – он будет возле дверей караулить».

– Пойдёшь, передай своей Таньке, что она дура безмозглая. И ещё ей скажи, что я тебя никому не отдам. Вот. Буду ходить с тобой в магазин, в парикмахерскую, если надо, буду стоять возле дверей бани, – возбуждённо ответил Николай.

– Вот дурачок, зачем ты мне в парикмахерской и уж тем более в бане? – засмеялась, упав в кресло, Лариса. – Ой, не могу! Коля, насмешил! А работать когда будешь?

– Я найду время, – буркнул обиженно Николай. – Ладно пошел я. Раз пойдёшь со своими подружками, иди. – И он вышел.

Время летело так стремительно, что Николай не заметил, как пролетело лето и вступила в свои права золотая осень. Николай сам уже второй раз сходил в военкомат, где настойчиво сказал, что хочет идти в армию. Капитан Артюхин, который занимался его документами, твёрдо пообещал, что его призовут в самых первых рядах. И похвалил его за сознательность и патриотизм. А вот куда его призовут, в какие войска, не сказал. Но твёрдо заверил, что Николай «не будет жалеть, а после службы станет гордиться этим родом войск».

Идя после очередного посещения военкомата домой Николай, ступая на уже начавшие усыпать разноцветным ковром тротуар листья размышлял: «Вот Лора уже и студентка, с лёгкостью поступила в медицинский институт, два года пролетят быстро. Не успеешь оглянуться, а уже дома. Поступлю тоже в институт, а потом мы с ней поженимся. Наверно, пойду работать, а учиться поступлю на вечернее отделение. Вон, у завода же есть, где мать работает. Мать его, Валентина Ивановна работала на заводе нормировщицей и чтобы сын не болтался без дела до армии, устроила его временно, на склад».

Проходя мимо скульптуры революционера, разрывающего путы из колючей проволоки и напрягшего все свои каменные мускулы, Николай остановился. Он всегда с интересом глядел на этого гранитного человека, потому что лицо, высеченное талантливым скульптором, явственно выражало решимость и отвагу. А тело, некогда скованное колючей проволокой, распрямилось и было готово к борьбе. А ещё... лицом скульптура напоминала отца.

Николай, как и все дети, росшие без отцов, в своё время тоже задал вопрос: а где он? Но мама, печально погладив его по голове, ответила, что отец погиб. А на все дальнейшие вопросы ответила: «Когда подрастёшь, всё узнаешь». Потом он нашел фотографию, очень тщательно спрятанную матерью в одной замечательной книге. На этой фотографии было три человека, его мама, мужчина и он, Николай, на руках у этого мужчины. Николай перепрятал фото, а однажды, проходя мимо скульптуры, поразился, как они похожи, его отец и этот каменный революционер. И, придумав себе историю о том, что его отец это и есть этот самый революционер, Николай втайне гордился им.

В городе уже начали появляться кооперативные киоски, где продавались различные товары. Особенным у всех пользовались спросом жвачки, импортные сигареты, шоколадки и прочая заморская снедь. Для советского человека многие товары были в диковинку. Например, Николаю было не понятно, зачем покупать сухой сок в пакетиках, потом его разводить и пить. Когда можно взять банку натурального отечественного и пить себе на здоровье, и в своё удовольствие

Подойдя к одному из киосков, Николай остановил свой взгляд на пёстрой витрине. Наклонившись к окошечку, он спросил пачку своих любимых сигарет «Прима», жвачку и пару носков. Носки ему нужны были для комплекта, который он тщательно собирал, готовясь к отправке в армию. Николай всё любил делать аккуратно, продуманно и с чувством бережливого отношения к деньгам. Он не был скрягой, накопителем, но заработанные самим или данные матерью деньги не тратил бездумно.

Вот и сейчас, пересчитав остаток, Николай убрал сдачу в портмоне и размышляя пошел домой. «Всё вроде подготовил, блок сигарет, лезвия для бритвы, пена, мыло, майка, плавки... Вот носки купил». Всё остальное соберёт по списку, что составил и несколько раз дописывал, добавляя как ему казалось, нужные вещи. Обязательно тетрадь, блокнот, ручку, карандаш. Всё должно быть в наличии, а то вдруг засунут в какую дыру, что рядом ничего достать будет невозможно. А посылка... пока от матери придёт, что же, просить у кого что-либо? Нет, не таков он, чтобы просить.

– О-о-о! – услышал Николай знакомый голос. На встречу ему шел, покачиваясь, его однокашник Лёха Пеников. Было видно, что тот навеселе.

– Ты чего, Лёша? – обратился к нему Николай.

– Чего я, ничего! Отдыхаю. Имею полное право. Я сегодня со смены пришел. Целые сутки на заводе горбатился, – стал выпендриваться Лёха. – Тебя то маманя пристроила на склад, а у меня нет блата, я вон в горячем цеху целую смену тележки с железяками тягал.

Николай, работая на складе, не сидел и не прохлаждался, потому что не было времени филонить. Завод работал бесперебойно, выпуская продукцию на экспорт. И ему как грузчику приходилось порой не сладко, хотя он был развитым юношей, но тренировки в секции самбо стал пропускать, отдав все силы на работе. Тренер однажды даже посочувствовал, увидев, какой он пришёл со смены, и посоветовал: «Ты, Коля, не надрывайся, если не можешь прийти, лучше отдохни. Так как вся жизнь у тебя впереди, если надорвёшься, будет плохо. А тренировка у тебя вон какая на работе. Так что побереги себя. Ты ведь не в чемпионы метишь». На том и порешили.

– Ладно, не обижайся, я так к слову, – сказал миролюбиво Лёха. – Пойдём, Колян, пивка замахнём, я угощаю.

– Не, Лёша, не обижайся, я тороплюсь, мне ещё Лору из института встретить надо.

– Ну ты, Коля, совсем от Лариски без ума. Жаль мне тебя, дружище, – сочувственно проямлил заплетающимся языком Лёха. Сейчас самое время погулять, а то потом семьёй обзаведёшься, некогда будет. Жалеть будешь. Вспомнишь мои слова.

– А чего меня жалеть! – засмеялся Николай. – Ты вон себя пожалей, а я уж как-нибудь обойдусь. – Хлопнув того по плечу и протянув руку для прощания, Николай закончил: – Ты, Лёша, в армию идёшь?

– Ну да, куда я денусь. Все там будем. – и он заржал от своей шутки. – Ладо, давай пока, – протянул Пеников руку.

– Ты, Лёша, готовься к армии и брось пить.

– Знаешь что, иди ты куда? Морализатор нашёлся. Я сам себе хозяин, понял? Вот. Так что иди и готовься, а я лучше отдохну, потому что неизвестно, в какое пекло запихают. Потом хоть вспомнить будет что.

И он, ухмыляясь, покачиваясь, пошёл в сторону киосков.

II глава

На сборном пункте райвоенкомата было шумно. Вокруг толпились люди, пришедшие проводить новобранцев. А тех, кого забирали в армию, почти и не было видно, так как они все растворились в бурлящей и возбуждённой толпе. Призывников, собранных в этот день было немного, всего десять человек, и им ещё предстояло добраться до областного сборного пункта, а уж там окончательно узнать, куда, в какие войска они попадут. В приписном свидетельстве у Николая было написано коротко ВВС. Он и думал, что призовут на какой-нибудь аэродром в качестве обслуживающего персонала, хотя просил того же Артюхина, чтоб тот посодействовал и направил, например, в десант, аргументируя свою просьбу тем, что уже десять лет занимается в секции самбо. Из их класса призывали пока только его – Николая, Лёху Пеникова и Серёгу Антонова. Они шли самыми первыми, и поэтому провожать их пришёл почти весь класс. Почему почти – да потому что тихоня Люба Лепёхина недавно вышла замуж и переехала в другой город. И все одноклассники по этому поводу охали да ахали, удивляясь: «Вот уж на кого подумать не могли, так это на тихоню Лепёхину. Все были готовы к свадьбе Николая, дружившего с Лорой Хитушко не один год, но чтобы эта тихоня...»

Подъехал автобус ПАЗик, и прозвучала команда строиться. Николай обнял маму, поцеловал мокрую от слёз её щёку и, взяв за плечи Лору, посмотрел ей в глаза:

– Лор, я уйду служить на два года, дождёшься? – спросил он, ощущая в своей груди тревожные волны.

– Коль, ну что ты в самом деле. Ты уже целую неделю меня этим донимаешь. Дождёшься, недождёшься?! Ты, Коля, через два года, когда вернёшься, будешь совсем другим человеком. Сильным, возмужавшим, а я стану старой и некрасивой бабой. Поэтому ненадо давать напрасных обещаний. Ты сам в этом убедишься, что я права, когда вернёшься. – и она, засмеявшись, откинула назад свою голову. Николай притянул её к себе. Обняв её стройное упругое тело, он руками взял её голову и, приблизив к себе, долго глядел в её карие глаза. После с замиранием сердца поцеловал её в губы. Ему показалось, что они, дрогнув, как бы отпрянули от его жаркой напористости, как бы опасаясь, что их сейчас поглотит неведомая всепожирающая страсть. Это был первый поцелуй в его жизни, который он совершил в губы, в губы любимой девушки.

Он долго готовился к нему, представляя с замиранием сердца этот интимный момент. Николай стеснялся это делать и всегда Лору целовал только в щёку. А при прощании, когда он будет уходить в армию на целых два года, он имеет полное право поцеловать свою девушку в губы. Прикоснувшись своими обветренными, сухими и жёсткими губами к нежным и трепетным устам девушки, Николай почувствовал, что у него закружилась голова. Ему показалось, что он пригубил неведомое доселе вино, терпкое, сладкое, мгновенно опьяняющее, настоящее на тревоге, которая холодом и жаром прошла волной по его телу.

Объявили посадку. Николай долго шел, пробираясь сквозь толкучку, держа за руку свою Лору, забыв про всё вокруг. Идущая следом мать с пониманием нежно глядела на сына, вытирая платочком мокрые от слёз глаза. Вокруг кричали одноклассники, другие провожающие, свистели. Толпа вмиг окружила автобус. Люди руками колотили в стёкла, пытаясь привлечь к себе внимание входящих в салон призывников.

Оказавшись внутри автобуса Николай занял место у окна, из которого было видно провожающих дорогих ему людей. Среди колышавшейся массы он разглядел сначала Лору, а затем маму. Они стояли среди толкавших их людей махая каждой своему мужчине. Увидев с высоты свою вдруг, в один момент постаревшую, ссутулившуюся маму, Николай подумал: «Смотри-ка, как же она постарела. И совсем стала какая-то маленькая, словно усохла. Жалко глядеть. Осталась одна. Но ведь не противилась,

и решение сына идти в армию поддержала». В горле у него пошла волна, собравшая всё там в комок. Ему показалось: ещё секунда, и он зарыдает. Вот будет зрелище. Проглотив спазм и моргнув глазами, Николай, подняв руку, стал махать им, стоявшим среди толкавших их со всех сторон.

Лариса в окружении своих извечных подружек Таньки Пластун, Оли Поляковой и Веры Алёхиной стояла и, о чём-то весело разговаривая с ними, махала рукой. Николай с грустью ощутил вдруг такое щемящее душу одиночество, что в носу зашипало, а в лёгких кончился воздух. Припояв плечи и подняв подбородок, он раскрыл рот, чтобы захватить воздуха, и в этот самый момент автобус дёрнувшись поехал. Так, с открытым ртом, он и гядел на удаляющуюся массу людей. А матери показалось, что он кричит им что-то.

Набрав скорость, автобус стремительно помчался в сторону областного центра. Сидящие в нём парни, всё ещё не успокоившись от возбуждения, громкими голосами продолжали громко, перебивая друг друга, о чём то говорить. Николай, опустив плечи, сидел тихий и, погружившись в какие-то думы, не обращал внимания на окружавший его галдёж.

Рядом с ним примостился Лёха Пеников. Держа на коленях набитый под завязку рюкзак, он развязав его что то искал в пакетах и свёртках.

– А, вот она, родимая, на месте. Удовлетворённо, с теплотой проговорил он и толкнул в бок Николая: – Видал, а?

– Что? – не понял сразу Николай.

– Что-что?! Ты чё, Колян, всё по Лорке печалишься? Перестань, а! Ну в самом-то деле! Ты чё? Ну, будь мужиком! Гляди, какая подружка у меня! – и он показал горлышко бутылки, которую вытянул с самого дна своего рюкзака.

– Сейчас замахнём, и все твои печали останутся в прошлом, Коль. Я, что, думаешь, не понимаю, да? Ты думаешь: Лёха Пеников – раздолбай, который только и понимает что водку глушить?! Нет. Мы же с тобой друзья, почитай, братья. Целых десять лет вместе учились. А теперь вот в армию вдвоём. Ты представляешь, Коля, что это значит?

– Что? – не понял погружённый в свои мысли Николай.

– А то, что если уж мы с тобой столько лет вместе, то это не спроста, понял?! – глядя на печально смотрящего в окно Николая, сказал Лёха.

Мимо проносились частные дома последних улиц их городка. Сады давно облетели, но на некоторых деревьях оставались крепко сидящие разноцветные листья. Октябрь радовал тёплой и солнечной погодой, преподнеся людям подарок. И все старались, докапывали картошку, убирали капусту, морковь, а также делали посадки под зиму.

– Ладно, не хочешь как хочешь. Позже тогда врежем, – сказал Лёха и, засунув поглубже бутылку, завязал рюкзак. Сопровождающий группу офицер внимательно глядел на возбуждённых парней, делая для себя в уме пометки и складывая первое впечатление о них.

Задумчиво глядя на проносящиеся за окном поля и перелески, Николай не мог понять, что с ним происходит. «Что это за новое чувство вдруг возникло внутри у него? Какое-то тревожаще-сладкое... А что это за вкус на губах. Ах, да! Это же вкус трепетных любимых губ его Лоры. Он будет помнить этот глоток терпкой и сладкой любви и первого взрослого поцелуя всю свою жизнь. Он вернётся через два года и повторит это таинство. Он неожиданно войдёт к ней в дом...».

«Выходим строиться!» – услышал он команду. Оказывается, автобус уже стоял во дворе облвоенкомата. Призывники вставали, разминаясь и потягиваясь, направлялись к выходу. Построившись возле автобуса в одну шеренгу, парни стали ждать следующей команды. Лейтенант, что сопровождал их, пошёл с документами в здание, а им дав команду «Вольно, не расходиться!»

– Вот, Колян, теперь привыкай жить по команде, – толкнув товарища в бок, сказал Лёха. – Ты долго готовился, теперь тебе легче будет, не то что нам, правда, Серёга?

– По команде есть, по команде спать. А если припрёт в сортир, Коля, то только по команде, понял? И никаких гвоздей! Разрешите, товарищ командир...?! А он тебе: пока ещё рано. По распорядку дня не положено. Терпите. У каждой процедуры своё время.

– Ох, и балабол ты, Лёха. Ко всему привыкнешь, втянешься и потом сам будешь удивляться: как это раньше жил не по распорядку.

– Нет, Коля, это ты у нас правильный, тебе только за это сразу ефрейтора присвоят, а нам с Серёгой, по-видимому, как только нас увидят командиры, тут же и влепят по два наряда вне очереди. Просто так для порядка. Чтоб знали и трепетали.

– Ох, Лёха, Лёха. – вздохнул Николай. – Нас, может быть, сейчас раскидают в разные команды, и расстанемся мы на долгое время, а ты всё зудишь.

– Лёш, Коля дело говорит, – подал голос Сергей.

– Ну ладно, – согласился Лёха Пеников.

В это самое время из дверей показался лейтенант, что привёз их, а следом за ним шли два офицера. Старший лейтенант в зелёной фуражке и капитан в красной. Подошедшие офицеры встали напротив стоявших нестройно новобранцев.

– Станови-и-ись! – звонко крикнул лейтенант. Юноши подравнялись. – Слушай мою команду! – снова звонко крикнул он. Видно было, что ему нравится командовать. – Открыть рюкзаки и сумки и всё содержимое выложить на асфальт рядом – все зашевелились. Кто-то замешкался. Стоявшие офицеры внимательно глядели на действия парней.

Николай спокойными и уверенными движениями развязал рюкзак и выложил рядом аккуратно кучками свои пакетики. Вот варёная курица, хлеб, пачка печенья, кулёчек конфет. Рядом пакет с бритвенными принадлежностями, где лежат полотенце, плавки, носки, майка, кусок хвойного мыла и одеколон. Рядом в пакете десяток варёных яиц, каралька полукопчёной колбасы и пачка чая. Отдельно, в пакетике, сложены сигареты и упаковка спичек, а рядом письменные принадлежности.

Суеющийся рядом Лёха, выкладывая трясушимися руками из своего рюкзака содержимое, недовольно, тихо матерясь, шипел:

– Вот скоты чего затеяли, а? Ты понял? – поворачиваясь сначала к Серёге, а затем к Николаю кричал он. – Не, ну вы поняли, чего они удумали, а? Пацаны! Они нас хотят без поддержки оставить! Серёга, чё делать будем? Давай быстрее соображай! – суетился Лёха. – У Коляна нет, так ему пофиг всё. Вон стоит уже и улыбается.

Подошедший старший лейтенант в зелёной фуражке спросил, обращаясь к Николаю:

– Как фамилия? – и внимательно посмотрел прямо в глаза.

– Нелюбин! – чётко представился Николай.

Офицер, повернувшись вполборота к лейтенанту, протянув в его сторону руку, сказал:

– Документы на Нелюбина.

– Лейтенант, поискав в своей стопке, подал одну из папок. Старший лейтенант, раскрыв папку, профессиональным взглядом быстро пробежал текст.

– Кандидат в мастера, значит? – офицер с интересом поглядел на стоявшего спокойно юношу с развитым плечевым поясом.

– Да он у нас в школе самый сильный, не считая Артура, – вдруг вклинился Лёха Пеников. – Они же как заведённые у нас в классе были. Святая троица. У них один зал на уме был. Ничего не интересовало, кроме самбо.

– Святая троица говоришь?, – повернул голову офицер в сторону Лёхи.

– Ну да! – кивнул тот.

– Артур? Где он? Как фамилия?

– Хохряков его фамилия, – быстро ответил Лёха, – но только его здесь нет.

– Жаль, – сказал старший лейтенант. – А третий кто?

– Так его тоже не призвали, Игорь Пинчук. Они вместе с Хохряковым поступили в институт физкультуры здесь, в областном центре, хотят тренерами стать.

– Ладно! – коротко закончил офицер. – А твоя как фамилия? – обратился он к Лёхе Пеникову.

– Моя? – неожиданно переспросил тот.

– Ну да. Я так понял что вы учились вместе?

– Да, да, – закивал Лёха. – Пеников моя фамилия!

Офицер улыбнувшись опять обратился к лейтенанту:

– Документы Пеникова мне. – Тот подал. Видно было, что чем-то понравился Лёха старлею, чем то зацепил. Профессионалы чувствуют, из кого может получится подходящий воин, если с ним хорошо позаниматься.

Забрав их папки, он ещё раз пробежал взглядом по стоявшим призывникам и отошёл. Пока он общался с Николаем и Лёхой, другой офицер в фуражке с красным околышем делал тоже самое. Выбирал себе подходящих бойцов. Эти офицеры специально приехали из частей за новобранцами. Их в простонародье называли «покупателями».

Обнаруженное спиртное изъяли. Что удивительно, ни у Лёхи, ни у Сергея ничего не нашли. Николай очень удивился. После того как призывники сложили все свои заготовки обратно в рюкзаки, их повели в здание военкомата.

Заведя в актовЫй зал, им разрешили сесть и оставили одних. Кто-то из ребят попытался выйти покурить, но за дверью столкнулся с караульным, преградившим дорогу.

– Всё, ребята, попали! – вернувшись, объявил тот.

– Пойдём, Коля, поговорим с ним, чё он борзеет, покурить не пускает, – обратился к нему Лёха. – Иди поговори, вон, с Серёгой, да того с собой возьмите, что уже ходил.

– Может, вам всем скопом там мозги вправят, – улыбувшись, ответил Николай.

– Значит, нам всем скопом, да? А ты в сторонке стоять будешь? Ты понял, Серёга, каков товарищ?! Мне даже курить перехотелось.

– Ну вот, замечательно, – продолжал улыбаться Николай.

Неожидано в зал вошел сержант.

– Так! – громким командирским голосом сказал он. – Поднимаем свои зады, берём торбы и выдвигаемся за мной. Все, зашумев, встали и вышли в коридор. – Не толпимся! Построились в колонну по два! – снова громко скомандовал сержант – И прекратить базар!

Успокоив и построив ребят, он повёл их по каким-то коридорам, переходам, и неожиданно они оказались в помещении, где были установлены двухъярусные кровати, а в самом помещении уже находились люди.

Заведя их в казарму, сержант указал на свободные кровати и приказал располагаться, но не ложиться. Время уже подходило к шести вечера. К вновь поступившим потянулись старожилы с расспросами, чтобы завязать новые знакомства.

– О! Колян, привет! – кто-то хлопнул Николая по спине, когда он наклонился, чтобы поставить свой рюкзак возле тумбочки. Повернувшись, Николай узнал парня. Михаил стоял улыбаясь, а за ним – ещё четверо спортсменов. Они все вместе встречались на соревнованиях в областном центре, а эти ребята и жили здесь.

– Вот хорошо, Коля, что и ты теперь здесь. Вместе в десант пойдём, – обнимая его, выводил из узкого межкроватьного пространства Михаил. – Ты знаешь, мы недавно видели Артура и Пинчука ваших. Молодцы, поступили в институт. Жаль только, что в армию либо позже пойдут, либо не пойдут вовсе. Хотя кто его знает. Пойдём, Коля, в нашу компанию, там одна кровать свободная есть.

– Да мне неудобно от своих откалываться, – стал нехотя отказываться Николай.

– От кого от своих? – улыбаясь, переспросил Михаил. Мы теперь одна семья. Пошли! – обняв правой рукой засмуцавшегося Николая, повёл его в дальний угол. – Вася! – крикнул он одному из друзей, – захвати Колин рюкзак и тащи его следом.

Не успели они расположиться, как вошедший сержант приказал строиться. Следом за ним вошел майор и уже знакомый сарший лейтенант с прапорщиком, оба в зелёных фуражках. У прапорщика в руках была стопка папок. Открыв верхнюю, он зычным голосом выкрикнул:

– Бекетов!

– Я! – чётко раздалось из глубины человеческой массы.

– Выйти из строя!

– Есть! – Опять так же чётко раздался тенор. Из строя вышел крепкий высокий смуглолицый парень.

– Мышкин! – продолжал называть фамилии прапорщик, раскрывая папку за папкой. – Нелюбин! Пеников! Леготин!

Назвав последнюю фамилию, он приказал взять вещи и подойти к нему. Ребята быстро схватили рюкзаки и сумки и подбежали к стоявшим офицерам.

– Построились по росту в одну шеренгу! – скомандовал прапорщик. – Рюкзаки на плечо! Нале-е-ево! Вперёд шагом марш!

И сам быстрым шагом пошёл рядом.

Их вывели во двор, где стоял уже другой автобус. Посадив новобранцев в салон, прапорщик оставил их на подошедших с рюкзаками и коробками сержанта, ефрейтора и рядового. Все они также были в пограничной форме.

– Пацаны! – обратился к солдатам Лёха Пеников. – Сдаётся мне, что повезёте вы нас к чёрту на кулички?

– Ты угадал! – весело рассмеялся ефрейтор. – Если б ты знал, какие это кулички, ты бы, наверное, своим ходом уже туда добежал.

– В каком смысле? – не понял тонкого подтекста Лёха. – Там что... э-эт-то? Ну, кормят, поят хорошо? Развлечений много?

– Чего, чего, а всё, что ты перечислил, присутствует с избытком, – внимательно изучая новобранцев, усмехнувшись, вставил сержант.

– Эх, а какая же у нас красота! – мечтательно закрыв глаза и откинувшись на спинку сиденья, протянул рядовой боец.

– Ох и хитрые вы парняги, – засмеялся весело Лёха. – По ходу дела, такими баснями вы нас заманиваете в такую дыру, от которой в скором времени все мы волками завоем!

– Обижаете! – открыл глаза рядовой. – У нас такая красота! А воздух?! Чистейший горный воздух! Вы знаете, где больше всего живёт долгожителей? В горах.

В этот момент к автобусу подошли старший лейтенант с дипломатом и прапорщик с небольшим чемоданчиком. Открыв дверь, они вошли в автобус, и прапорщик отдал приказ водителю ехать на железнодорожный вокзал.

...Время – такая субстанция, которую замечаешь, когда либо чего-то ждёшь, либо тебе нечем заняться. Вот и у Николая одно из таких свойств времени постоянно вызывало тоску. Прошёл уже почти год с того момента, как его и Лёху Пеникова после учебки направили на одну из погранзастав. За всё это время Николай получил от Ларисы всего одно письмо, хотя сам ей писал каждую неделю. Матери так не писал. Лора сообщала, что всё у неё хорошо, учёба, да и другие дела в норме, только вот родители вдруг взяли и развелись после четверти века совместной жизни.

Конечно, им, постоянно занятым тренировками и совершенствованием воинского мастерства, некогда было скучать. Но после отбоя, когда, казалось бы, тело должно было отключиться от усталости, мозг, перебирая и раскладывая полученную за день информацию, спо-

тыкался о колдобину, которую, как мозоль, однажды выросшую, не удавалось вывести. Колдобиной этой являлось отсутствие писем от Лоры. Николай тосковал, мучился, стал нервным и вспыльчивым.

Лёха, знавший причину такого поведения Николая, не подкалывал; за время совместного солдатского проживания он убедился, что лучше и надёжней его друга Коляна нет никого на целом свете. И наедине говорил:

– Ты Колян, в отпуск бы съездил, что ли? Увиделся бы там со своей ненаглядной, я ведь понимаю твоё состояние, не тупой.

– Как я возьму и поеду в отпуск, ты что, Лёша, это же армия? Тут отпуск нужно заслужить! А не просто так, взял да поехал.

– Ну давай я пойду поговорю с начальником, скажу так, мол, и так...

– Ты что, не вздумай даже! – резко оборвал предложение Лёхи Николай.

Пограничники шли по давно известному маршруту. Всё здесь было исхожено не один раз, поэтому ноги делали всё автоматически. Вот перепрыгиваешь через поваленное дерево с большого валуна на маленький и, как будто по ступенькам, сбегаешь в широкое ущелье, по которому, разрезая его, бежит быстрая горная речка.

Впереди с собакой, по кличке Граф, шёл ефрейтор Денис Какоулин, за ним выстроившись шли по краю речки все остальные. Шум от реки перекрывал другие различные человеческим ухом звуки, поэтому когда пёс насторожился, то Денис сразу остановился и посмотрел, куда глядит собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.